

УДК 93:342.5(045)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КУПЦОВ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

© 2018 С.В. Любичанковский

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара
Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 04.12.2017

В статье дан анализ основных направлений взаимодействия русских и среднеазиатских купцов в Оренбургском крае в конце XVIII – первой половине XIX века. Показаны объемы взаимной торговли, сложности реализации торговых отношений, причины неравноправного положения российских и среднеазиатских купцов. Раскрыты особенности политики оренбургских администраторов по отношению к этому вопросу. Описаны культурные особенности местного купечества, накладывающие специфический отпечаток на реализацию торгового взаимодействия в Оренбургском крае. *Ключевые слова:* торговля, Российская империя, культурное взаимодействие, Оренбургский край, Средняя Азия.

Обращение к проблеме купеческой торговли с ханствами Средней Азии объясняется в первую очередь тем, что именно Оренбургская губерния являлась центром внешней азиатской торговли. Эта торговля в основном шла через Оренбург и Троицк. Довольно крупными ярмарочными центрами Оренбургской губернии также были Бугульма и Уфа. Представляется важным выяснение вопроса о том, каковы были основные параметры не только экономического, но и взаимного культурного влияния русских и среднеазиатских купцов в процессе реализации торговых отношений.

В Оренбурге был построен каменный гостинный двор, который на начало XIX в. имел более 300 лавок. Казна получала с него доход до 5000 руб. ежегодно. В двух верстах от города находились куда более обширные Азиатский и Бухарский меновые дворы. Помимо г. Оренбурга торг шел по т.н. ярмарочной линии, которая опоясывала Урал с востока на юг. В Ирбите был свой гостинный двор с 203 лавками, которые во время ярмарки не вмещали всех торгующих. Ярмарка открывалась в феврале. Что касается среднеазиатской торговли, то товары этого региона (хлопок, ткани, верблюжий волос, фрукты и т.д.) привозились уже не самими купцами, а через посредничество русских торговцев Оренбургской линии. Ярмарочная торговля Троицка уступала Ирбиту и Оренбургу, и Троицкая таможня давала ежегодный доход до 20000 руб.¹

*Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета.
E-mail: svlubich@yandex.ru*

Власти вначале ввели запрет на торг со Средней Азией из-за боязни нарушить интересы Оренбурга. Но затем были сделаны поблажки, и на Троицкой ярмарке стали торговать купцы по большей части из восточных и центральных областей Средней Азии. Это были кашганцы и ташкентцы. Из Бухары и Хивы приезжало мало торговцев.

Среднеазиатские купцы привозили в значительных количествах хлопок, хлопчатобумажные и полушелковые материи, халаты, пояса, бархат плохого качества и т.д. Редкостным товаром было китайское серебро и бухарские, а также персидские золотые монеты².

На Троицкой ярмарке совершался меновой торг: среднеазиатские товары выменивались, как правило, на сукна (красные и малиновые), импортный бархат, разные краски, сахар и т.д.

Постепенно в торговый оборот включались уральские заводы. Они поставляли на рынок котлы, замки, иглы, булавки и т.д., которые охотно покупались как казаками, так и среднеазиатскими купцами.

Русские купцы на начало XIX в. ограничивались меновым торгом и совершенно не желали проникать ни в Казахскую степь, ни в ханства Средней Азии. Они опасались за свою жизнь и за сохранность грузов. Известны были единичные случаи. Так, в 1750 г. оренбургскому купцу Хаялину удалось доставить в Хиву небольшой торговый караван. Караван сопровождал хивинский посланник Изербек³.

Меновая торговля долгое время проводилась через посредников – среднеазиатских купцов и торговых татар Сеитовской слободы. Татарам, основавшим в 1744 г. недалеко от Оренбурга Каргалинскую слободу (переименована в Сеитовский посад), было дано разрешение безо вся-

ких препятствий «производить торговый промысел по всей России»⁴.

К концу XVIII в. в Оренбургском крае проживало 2868 купцов, среди которых главенствующее место занимали именно татарские торговцы⁵. По словам историка-краеведа А.Ф. Рязанова, «татары в Оренбургском крае, после русских, играли значительную роль и были более зажиточны и образованны, чем другие национальности. Они являлись распространителями в крае мусульманства и татарской грамотности в качестве мулл и играли значительную роль как представители торгового капитала; в руках татар находилась большая часть внешней заграничной и внутренней торговли»⁶.

Внутренняя торговля в Оренбургском регионе росла и развивалась, но большинство торговых операций были внешнеторгового характера. Этому способствовали государственные мероприятия по умиротворению обширной казахской степи, которая лежала между среднеазиатскими ханствами и Оренбуржьем, настойчивые попытки установить добрососедские отношения с Бухарой, Хивой и Кокандом. России были необходимы новые рынки для национальной промышленности, пополнение казны за счет сборов и налогов, расширение границ государства. Важная роль в этом процессе отводилась оренбургским купцам.

В 30-е гг. XIX в. в Оренбургском крае работало 9 таможен и застав, через которые и шла торговля со среднеазиатскими ханствами. Это – Оренбургская, Илецкая, Уральская, Калмыковская, Гурьевская, Троицкая, Звенигородская таможи и Орская и Верхнеуральская заставы. Наибольшее количество внешнеторговых операций приходилось на Оренбургскую, Троицкую и Гурьевскую таможи. На Оренбургскую таможню приходилось более 50% ввозимых товаров и около 60% вывозимых, по данным на 1831 год.

Если поначалу количество купцов, решавшихся на крупные торговые операции со среднеазиатскими торговцами, было невелико, то постепенно оно увеличивалось. Так, в 1830 г. в Оренбургской губернии таких купцов насчитывалось пятеро: троицкие купцы второй гильдии А. Абдулвагапов и А. Абубакиров, оренбургский купец второй гильдии Ф. Пичугин и купцы третьей гильдии П. Веснин и М. Деев. Обозначенные купцы привозили товаров на сумму от 1,5 тыс. руб. серебром до 93 тыс. руб.; вывозилось в Азию товаров от 25 тыс. руб. серебром до 119 тыс. руб.⁷

В 1832 г. купцов, развернувших торговлю со Средней Азией, было уже 22 человека. Из Троицка – пятеро человек (двое 2-й гильдии и трое третьегильдийцы), из Оренбурга – 9 (все принадлежали к 3-й гильдии). Через Оренбург с Хивой, Бухарой и Кокандом торговали ростовские, камышинские, казанские, верхнеуральские куп-

цы. Торговлю вел и нижегородский крестьянин А. Путолов. С 1830 г. по 1832 г. выросли торговые обороты. Так, у купцов Абдулвагапова, Веснина и Деева привоз товаров был уже в диапазоне от 3,5 тыс. руб. серебром до 203 тыс. руб.; вывоз – от 48 до 260 тыс. руб. серебром⁸. Это означало увеличение оборотов в 2 раза. Торговали по-прежнему на меновых дворах Троицка и Оренбурга.

Не только российское правительство, но и администрация Оренбургского края в качестве отдельной проблемы выделяла проблемы, связанные с русско-азиатской торговлей. Благодаря инициативам губернатора П.К. Эссена оренбургские купцы второй гильдии получили возможность осуществлять заграничный азиатский торг, что по российским нормам даровано было только купцам первой гильдии.⁹ Циркуляр по таможенному ведомству узаконил это право. В дальнейшем указанные привилегии неоднократно возобновлялись – в 1836-1842 гг., в 1842-1849 гг.

Однако оренбургские купцы были крайне недовольны теми последствиями, которые принесли новые таможенно-тарифные условия, установленные для среднеазиатских купцов.

Оренбургское купечество протестовало против таких поблажек и практически на протяжении всей первой половины XIX в. требовало запретить среднеазиатским купцам торговать на внутренних российских ярмарках, а также уравнивать права российских и азиатских купцов на территориях среднеазиатских ханств¹⁰.

В 1836 г. военному губернатору В.А. Перовскому было подано прошение купцов, торговавших в Оренбурге. Главной жалобой было то, что в Бухаре с русских купцов брали 40% пошлины, а с азиатских – 10%. Как следствие – русские купцы были вынуждены сдавать свои товары «на комиссию» азиатским купцам, тогда как русское правительство покровительствовало среднеазиатским купцам. Им разрешалось свободно торговать на ярмарках оптом и в розницу, не платя гильдейской пошлины. Купцы просили добиться от бухарского эмира уравнивать пошлины. Следующее требование – ограничение торговли азиатских купцов внутри России. Такое ограничение не принесет вреда российской стороне, поскольку, как объясняли купцы, «бухарцы» только в России сбывают свой товар, «а без произведений наших обойтись не могут»¹¹.

В 1840 г. Оренбургское купеческое общество обратилось с просьбой запретить среднеазиатским купцам ввозить из России золотые и серебряные монеты и запретить хивинскому хану собирать пошлины с товаров, шедших в Бухару.

Оренбургские купцы выражали уверенность в том, что Бухара чрезвычайно заинтересована в торговле с Россией, поскольку только отсюда она получала чугун, медь, железо и другие изде-

лия. Они ставили под сомнение то, что с англичанами торговля будет иметь меновой характер, а торг будет идти на «российское золото и серебро, вывозимое от нас азиатцами»¹². Оренбургские купцы выражали уверенность в том, что если бы озвученные ими меры были услышаны и приняты, то торговля со Средней Азией стала бы чрезвычайно активной и выгодной, а англичане бы не выдержали конкуренции: «если англичане явились бы в сопредельные азиатские владения со своими товарами, тогда соревнование наше еще более усилится, ибо дешевизна наших товаров и ближайшая доставка против англичан предоставляет нам способ одержать над ними верх»¹³.

Подтверждение купеческим рассуждениям мы находим у Н. Ханькова в его «Описании Бухарского ханства». По его сведениям, штука русского ситца в 45-47 аршин продавалась на рынках Бухары за 2 тилли, а штука английского ситца в 35-36 аршин за 2-3 тилли. Н. Ханьков доказывал, что России принадлежит первое место в торговле Бухары, а русские товары чрезвычайно хорошо сбываются, особенной популярностью пользовались кисейные чалмы русского производства, расшитые золотом.

В 1846 г. оренбургский купец 2-й гильдии Ковалев и троицкий купец 2-й гильдии Попов подали министру финансов Вронченко записку, в которой говорилось, что ими велась постоянная торговля по Оренбургской пограничной линии, они отправляли товары в Хиву и Бухару. Авторы «Записки» сетовали на большой риск и описывали те убытки, которые им пришлось пережить. Дабы устранить подобные неприятности, они предлагали запретить вывоз монеты, не разрешать среднеазиатским купцам торговать в российских городах без торговых свидетельств, разрешать им только оптовую торговлю на сумму не менее чем на 50 руб. серебром, потребовать уравнивания пошлин в среднеазиатских ханствах, поставить при таможенных присяжных маклеров и наблюдателей, которых должно выбрать само купечество¹⁴.

Министерство финансов не поддержало требования оренбургских купцов, считая, что это «стеснит отпускную торговлю, на ярмарках среднеазиатские купцы могли напрямую заказывать у поставщиков необходимый им товар. Запрет бы негативно сказался на активности торговли».

Вместо принятия мер по сдерживанию азиатских купцов, было решено дать больше свободы купцам российским. Был обойден вопрос с урегулированием размера пошлин, тем более что приказчик оренбургского купца Деева сообщал оренбургскому военному губернатору, что, прожив 9 месяцев в Хиве, он не заметил, чтобы пошлины сказались уже так пагубно на торгов-

ле – «никакого помешательства в продаже и покупке товаров не происходит»¹⁵.

Таким образом, купцы вновь не были услышаны правительством. Но, вероятно, купеческая предприимчивость и авантюризм, подогреваемые ожиданием хорошей прибыли, толкали купцов к решительным действиям. Мы говорим о непосредственной торговле в Хиве, Бухаре.

Купеческая деятельность напрямую связана с получением выгоды, а значит, и с многочисленными рисками. Ярмарочная торговля внутри страны была более безопасной, зато опасная торговля непосредственно в среднеазиатских ханствах сулила большую прибыль. Главным источником опасности для купеческих караванов, шедших в Бухару, Хиву, Коканд, были жители Степи, которые в общем-то и жили за счет грабежа торговых караванов.

Другим препятствием было то, что в среднеазиатских ханствах для российских купцов были введены повышенные пошлины, но гарантий безопасности жизни и имущества никто не предоставлял.

В записках современника мы читаем: «В то время как русское правительство щедро даровало особое покровительство торговцам из Бухарии, хан этой страны установил пошлину в 10% на товары, привозимые русскими купцами, хотя евреи и армяне платят только 5%, а мусульмане – лишь 2,5%»¹⁶. Об этом же свидетельствовал в своем донесении министру иностранных дел оренбургский и самарский генерал-губернатор А.А. Катенин (1857 г.): «...правительства среднеазиатские, за людей почитая одних магометан, а христиан унижая всеми мерами, взимают с последних за ввозимые в Азию и вывозимые оттуда товары двойную (как в Хиве) и даже четверную (как в Бухаре) пошлину противу платимой магометанами; в Кокандском же ханстве при двойной с христианских купцов пошлине по истечении полугода взимается она вновь со всех оставшихся непроданных товаров. Местные чиновники пользуются для вымогательства от них взятки, тогда как в Азии и без того шагу нельзя ступить без разрешительных подарков»¹⁷.

Купец Абу-Абубакиров, родом из г.Троицка Оренбургской губернии, оставил в своих воспоминаниях яркую картину того, как русским купцам приходилось дарами и взятками «пробивать» торговый путь. В первую очередь необходимо было задобрить представителей тех народностей, по территории которых должен следовать торговый караван. Так, купец описывал, как он пригласил в кибитку киргизского бия аксакалов. Для собравшихся был организован пир, на котором подавались традиционные восточные блюда – бешбармак, шашлык. Следующим шагом было преподнесение хозяину кибитки «хорошей шубы» и традиционных даров

по системе «бер-тугыс». Это была довольно обременительная традиция, поскольку подарить следовало разного товара по девять предметов, обычно подразумевалась одежда¹⁸.

По мере продвижения в Степь Абу-Абубакирову пришлось повторить подношение даров неоднократно.

Помимо «алчных и охочих до купеческого добра киргизов», живущих в степях, была и другая, не менее сложная проблема. Это – внутрисословная конкуренция. Оренбургское купечество было и «молодо», и малочисленно, и не столь богато, как иногороднее купечество. Купцы из Средней России, Поволжья обладали крупными капиталами, что позволяло им закупать на тех же среднеазиатских рынках дорогостоящие ткани, предметы роскоши – драгоценные камни, ковры, сами драгоценности, пряности и т.д. Оренбургским купцам это было не по карману. Вот как Владимир Иванович Даль прокомментировал неприятную ситуацию: на оренбургских базарах продавали в большинстве случаев «хлам и дрязг» – стеганные халаты из низкопробного хлопка, войлоки (кошмы), «толстые бязи, выбойки, бумажные одеяла, самые грубые ткани и изделия, которые кажется, не стоят перевозки на сто верст, не только через все пространство степей Турана. Несколько мешков урюку... фиштак, манны, вяленых полосок дынь в плетенках, ... и все это перегажено шерстью, пылью и всякою нечистью»¹⁹.

Представители крупных купеческих родов из центральных губерний не стремились закрепиться на Оренбургской земле, им выгоднее было приезжать в разовом порядке в Оренбург. Косвенно об этом свидетельствует то, что «Мнение о учреждении российско-азиатской компании», представленное, как было уже упомянуто, в 1807 г. оренбургской власти, подписали 7 купцов из Ростова, два тульских купца, двое из Казани, четыре представителя Переяславль-Залесского купечества. В списке значился только один купец из Оренбуржья – челябинец²⁰.

Осложняли торговлю со Средней Азией неосведомленность купцов с «туземными» обычаями, менталитетом, незнание тюркских языков. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен отмечал, что торговля подобного рода «...требует великой навычки иметь дело с сим полудиким, недоверчивым народом»²¹.

Постепенно оренбургские купцы обрели навык в общении с «азиатами», налаживали торговлю со Степью, заручались там покровителями и завязывали дружеские связи. Так, например, большую известность получил оренбургский купец Михаил Степанович Деев, имевший прозвище «Зайчиков» у служивших на линии, киргизцы же называли его не иначе как «Мишенька», хотя тому было за 50 лет. «Мишенька» с

сыновьями и лишь с одним провожатым рисковал посещать самые отдаленные уголки Степи. Он великолепно владел местными наречиями, был храбр и предприимчив, проявлял уважение к обычаям «киргизцев», знал их нужды. М.С. Деев зарекомендовал себя с положительной стороны. Это позволило ему отсылать караваны в Хиву, закупать там товары, которые пользовались спросом у «киргизцев». Это халаты, бязь, предметы кочевой повседневности. Современники отмечали, что обороты были постоянно настолько успешны, что позволяли обосновать Дееву торговую контору в Хиве²². Подобной предпринимательской деятельностью в 40-х гг. XIX в. занимались такие оренбургские купцы, как купец 2-й гильдии Яков Путолов, 3-й гильдии Иван Кривцов, третьегильдийцы Николай Гребнев, Алексей Баныкин, Иван Путолов, Дмитрий Ковалев, Михаил Шерин, Ефим и Кондратий Мякинковы, Осип Иванов и др.

В течение 1844 г. из Оренбурга, Орска и Троицка было отправлено в среднеазиатские ханства 20 караванов. Среди купцов были оренбуржцы, жители Троицка, Казани, Ростова и др. Товар оценивался в 668 тыс. рублей серебром. Русские купцы вывезли товаров на 224 тыс. рублей, а среднеазиатские на 444 тыс. Весь вывоз в среднеазиатские ханства в 1844 г. достиг 1170 тыс. руб. серебром²³.

В 1843 г. оренбургские купцы получили разрешение на свободное рыболовство по Аральскому морю и по рекам Аму-Дарье и Сыр-Дарье и основали компанию Аральского рыбного промысла²⁴. Это насторожило руководство Азиатского департамента, поскольку вполне обоснованно можно было ожидать противодействие со стороны среднеазиатских ханств. Директор Азиатского департамента Л.Г. Сенявин так рассуждал в письме к председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Федоровичу Генсу: разрешение подобного рода «может дать повод к разным неприятностям, возбуждая преждевременно некоторые политические вопросы». Купцы же не должны ждать от правительства защиты, а полагаться «на свой риск». Более правильным было добиваться льгот и преимуществ в торговле. Купцы явно опережали время.

Весной 1847 г. оренбургские купцы Путолов, Деев, Огладков, Баныкин, Лебедев и Кеберов обратились к оренбургскому военному губернатору с просьбой разрешить им рыбную ловлю и звероловство по Сыр-Дарье и Аральскому морю. Купцы просили об отводе для этих целей 4000 десятин земли и о привилегии на 12 лет. Просьба встретила положительный ответ – купцам было разрешено вести промысел в тех районах Сыр-Дарьи и Аральского моря, которые прилегали к российским границам. Однако привилегии по уплате налогов даны не были.

После того как в 1847 г. на Сыр-Дарье было построено Раимское укрепление, оренбургские купцы Путолов и Деев сообщили правительству о том, что в Оренбурге образована компания рыбных и других промыслов, капитал которой составил 12-15 тыс. рублей серебром. Купцы просили о привилегии сроком на 12 лет, об исключительном праве на ведение рыболовства и звероловства по Сыр-Дарье от Раимского укрепления до впадения реки в Аральское море.

У купцов были далекоидущие планы – покупка собственных судов для перевозки товаров через Аральское море в Хиву, обустройство складов в Раимском укреплении для хранения своих товаров и др. Губернатор В.А. Обручев довольно благосклонно отнесся к просьбам оренбургских купцов, хотя претензии на особые привилегии считал несвоевременными. Эту позицию разделяли и в верхах. Но, хотя в привилегиях временно было отказано, рыбную ловлю не запрещали, и оренбургские купцы, объединившись с фабрикантами из центральных губерний России, совместно продолжили свое дело. Само рыболовство было скорее предлогом, за которым скрывались инициативы по расширению торговых операций. Так, по сведениям Я.В. Ханыкова, на 1847 г. в Аральском море у купцов было 2 шхуны, 2 баркаса и 7 лодок²⁵.

Помимо попыток обосноваться на территориях, близких к среднеазиатским ханствам, купцы продолжали испрашивать у российского правительства помощи и защиты. Однако планы купцов входили в противоречия с правительственным курсом, считалось, что еще не созрели условия для задуманных купеческих предприятий.

Таким образом, оренбургское купечество поддерживало в силу своих возможностей правительственный курс на активизацию российско-восточной торговли, тем более что Оренбург изначально закладывался как форпост восточной политики империи. Оренбургское направление внешней торговли расширялось, что сулило прибыли купеческому сословию.

Однако непоследовательный правительственный курс приводил к многочисленным рискам, купцы с большой опаской посылали караваны со своими служащими в ханства Средней Азии из-за явной угрозы разграбления караванов уже в дороге. Купцы требовали более решительных действий от государства для защиты их интересов в Хиве, Бухаре и Коканде, где купечество было стеснено порядками, установленными местными властями в отношении российских торговцев. Правительство не торопилось защищать купцов, считая, что это отпугнет восточных торговцев и сузит торговлю. Так, с одной стороны, купцы получали льготы на торговлю, с другой – не имели защиты от правительства на

территориях вне России.

Отечественное купечество было недовольно и теми льготами, которые были даны среднеазиатским торговцам, считая, что это ставит их в неравное положение, но опять не были услышаны центром.

Несмотря на большой риск и надежду только на собственные силы, оренбургские купцы вели торговлю со Степью, а также с Хивой, Бухарой, Кокандом. Более того, они предпринимали шаги собственными силами укрепиться вдали от Оренбурга, на границах с ханствами, в Аральском регионе, на Каспии, но вновь оставались без действенной поддержки властей. Это привело к тому, что в первой половине XIX в. только одиночки решались на торговлю за пределами края, предпочтение отдавалось стационарной торговле на ярмарках и меновых дворах. Тем не менее развитие торговых связей с государствами и народами Средней Азии стимулировало развитие приграничных территорий России, новых отраслей промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иофа Л. Великий торг // Любовь и Восток. М., 1994. С.27.
- ² Дубовицкий В.В. История формирования системы геополитических взаимоотношений России и Средней Азии в 1700-2002 гг. Душанбе, 2005. С.16.
- ³ Ралдыгина Г.М. Оренбург в восточной политике России в XVIII - XIX вв. // История: далекая и близкая...: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Оренбурга. Оренбург, 1993. С.13.
- ⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.339. Оп.1. Д.29. Л.1.
- ⁵ Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928. С.60.
- ⁶ Там же. С.60.
- ⁷ Банникова Е.В. Торговля и купечество в феодальной России. Оренбург, 2002. С.181.
- ⁸ Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. Ульяновск, 2007. С.132.
- ⁹ ГАОО. Ф.339. Оп.1. Д.17. Л.1.
- ¹⁰ Любичанковский С.В. Кризисные явления в развитии среднеазиатского направления внешней торговли России на оренбургском направлении в 1-й четверти XIX века // Самарский научный вестник. 2017. Т.6. №2. С.132-134.
- ¹¹ Цит. по: Михалева Г.А. О роли Оренбурга в развитии торговых связей России со среднеазиатскими ханствами // Общественные науки Узбекистана. 1977. №8. С.44.
- ¹² Цит. по: Бунаков Е.В. К истории отношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. 1941. №2. С.5.
- ¹³ Там же. С.6.
- ¹⁴ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л.: АН СССР, 1949. С.357.

- ¹⁵ Цит. по: *Пирумов Х.* Российско-среднеазиатские отношения XVI - середины XIX вв. в русской историографии. Душанбе, 2000. С.17.
- ¹⁶ *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С.126.
- ¹⁷ Цит. по: *Юдин М.Л.* Положение торговли с среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.9. Оренбург, 1902. С.10-11.
- ¹⁸ *Небольсин П.И.* Рассказ Троицкого 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Абубакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем // Географические известия. СПб., 1850. Вып.3. №7-9. С.373.
- ¹⁹ *Даль В.И.* Бикей и Мауляна // Повести и рассказы. Уфа, 1981. С.90-91.
- ²⁰ *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949. С.21.
- ²¹ *Огородников Н.М.* Оренбург пограничный. Оренбург, 1995. С.37.
- ²² ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.5628. Л.2.
- ²³ *Кушева Е.Н.* Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е гг. XIX века // Исторический сб. Т.3. Л., 1934. С.158.
- ²⁴ *Рожкова М.К.* Указ. соч. С.362.
- ²⁵ *Ханыков Я.В.* Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1851. Кн.5. С.291.

ECONOMIC AND CULTURAL INTERACTIONS BETWEEN RUSSIAN AND CENTRAL ASIAN MERCHANTS IN THE ORENBURG REGION IN THE PRE-REFORM PERIOD

© 2018 S.V. Lyubichankovskiy

Volga Region Branch of Institute of Russian History of the RAS, Samara
Orenburg State Pedagogical University

The article contains an analysis of the main directions of interaction between Russian and Central Asian merchants in the Orenburg region from the end of the 18th to the middle of the 19th century. The author reveals the volumes of mutual trade, the difficulties in implementing trade relations, and the causes of the unequal positions of Russian and Central Asian merchants. He also points out the features of the policy of Orenburg administrators in relation to this sphere, and describes the cultural characteristics of the local merchants, which imposed a specific imprint on the implementation of trade interaction in the Orenburg region.

Keywords: Trade, Russian Empire, cultural interaction, Orenburg region, Central Asia.